

<https://kapital.kz/>

14 ноября 2017

Данияр Акишев: Банки никто не спасает просто так

Важно, сколько именно они должны населению и предприятиям



В преддверии Дня финансиста на вопросы «Капитал.kz» ответил председатель Национального банка РК [Данияр Акишев](#).

— В этом году после десятилетнего перерыва проводится Конгресс финансистов. С чем связано его возобновление именно сейчас?

— Во-первых, проведение Конгресса финансистов было хорошей традицией. Это та площадка, на которой могут собираться все финансовые организации и определять повестку дня. И участие Национального банка вместе с Ассоциацией финансистов Казахстана означало равноудаленный и справедливый подход по отношению ко всем игрокам финансового рынка.

Проведение Конгресса финансистов в этом году — как раз попытка воссоздать профессиональную площадку. Назрела необходимость диалога и обмена мнениями по всем вопросам. Несмотря на то, что есть опыт проведения конгрессов, мероприятие может оказаться непростым. Слишком много проблемных вопросов, порой противоречащих друг другу. Но зато проведение конгресса поможет понять, как лучше подготовиться к следующему году. И по формату, и по повестке дня, обсуждаемой на нем.

«Карманные банки акционеров»

— Данияр Талгатович, существуют ли риски того, что проблемы DeltaBank и Bank RBK повлияют на банковский рынок в целом или это локальная ситуация?

— Очевидно, что в одно время совпало два события, когда приходилось принимать решения по банку RBK и по DeltaBank. Это два разных банка, в первую очередь, по размерам.

Delta Bank — это банк, который последний год фактически не осуществлял банковские операции. Все это время он находился в состоянии, когда работа с физическими и юридическими лицами была приостановлена. С точки зрения значимости данного банка — то в целом для системы он не крупный. Но при этом сумевший за короткий период времени привлечь значительный объем денег квазигосударственных институтов. Хорошо, что в банке не было больших объемов средств физических лиц. И что самое плохое — у DeltaBank был монобизнес, почти весь портфель связан с сельским хозяйством, а по сути с бизнесом одного акционера. Банк должен диверсифицировать свою деятельность и не зависеть от одного продукта или одной отрасли. Должен выстроить систему оценки рисков. Этого сделано не было. В реальности банк, как карманный кошелек, финансировал только проекты, подконтрольные или связанные с бизнесом акционера. Если бы такое финансирование осуществлялось за счет собственных средств акционера, то по крайней мере это не имело бы такой степени риска. Но банк для этого привлекал деньги, прежде всего, из квазигосударственного сектора.

И почти все кредиты в этом банке были выданы по схеме, когда залогом являлись деньги, поступающие в будущем. То есть фактически воздух. В момент, когда пришло время платить по обязательствам квазигосударственного сектора, оказалось, что все деньги розданы в кредиты, у которых нет никакого твердого залога, а платежи по кредитам вообще не осуществляются.

Лицензия на прием депозитов была приостановлена еще год назад, чтобы остановить увеличение риска банка на систему. Для обслуживания обязательств акционер должен был вернуть выданные кредиты либо вливать новую ликвидность. Такие условия были поставлены перед акционером. Весь этот год с банком велись переговоры, на которых заверялось, что средства вот-вот начнут возвращаться. Этого не произошло. Компании квазигосударственного сектора были вынуждены идти по пути заключения договоров цессии. То есть им приходилось отказываться от прав по депозитам в банке в обмен на активы сомнительного качества, на те самые кредиты, выданные на бизнес-проекты акционера. Например, холдинг «Казагро» завершил такую сделку в октябре.

После того, как стало ясно, что в банке не осталось активов, представляющих хоть какую-то перспективу возвратности, а акционер не планирует выполнять обязательства перед Нацбанком, было принято решение об отзыве лицензии. К этому моменту DeltaBank не представлял никаких рисков для системы. Он давно был отстранен от биржевой системы, денежного и валютного рынков.

— **А пенсионные деньги?**

— Пенсионные активы были погашены за счет кредита от Нацбанка.

«Списание 600 миллиардов происходит паритетно за счет Национального банка, квазигосударственных холдингов и компаний, под управлением правительства»

— **А банк RBK тоже, как оказалось, попал в историю с аффилированными заемщиками?**

— По RBK — Нацбанк совместно с правительством, квазигосударственными холдингами и будущим инвестором достигли соглашения об оздоровлении данного института. Принятие такого решения было вызвано в том числе большим объемом депозитов физических лиц. Около 28 тысяч счетов на сумму 188 миллиардов тенге. Закрытие банка могло привести к нестабильности на финансовом рынке.

При этом обычное участие банка в стандартной программе Нацбанка по оздоровлению не давало возможности создать устойчивый финансовый институт. Жизнеспособность банка сохранялась только при условии полного списания с его баланса проблемного портфеля. Он был оценен в размере 600 миллиардов тенге. Это 85% всего кредитного портфеля!!!

Это основное отличие RBK от других банков, участвующих в программе Нацбанка по оздоровлению. Все другие банки, которые уже получили средства для докапитализации, участвуют в программе будучи здоровыми финансовыми институтами, у которых доля проблемных и реструктурированных кредитов не превышает 15–25%.

То есть налицо абсолютно разные ситуация и масштаб проблем. Те банки, которые ранее участвовали в программе, просто требуют повышенной капитализации. RBK — это совершенно отдельный кейс, к сожалению, потребовавший кардинальных решений. Списание проблемного портфеля с баланса RBK произойдет за счет пропорционального участия Нацбанка, квазигосударственных холдингов и компаний, находящихся под контролем правительства.

— В какой степени специализированные компании, в которые переданы 600 миллиардов тенге, способны будут выполнять соответствующие обязательства?

— Очевидно, что вероятность возврата ранее выданных кредитов не будет составлять 100%. Во-первых, отсутствие нормальных залогов по большинству выданных кредитов. Во-вторых, гигантская сумма проблемного портфеля. Опыт показывает, что не все выданные средства будут возвращены. По сути, основные убытки будут распределены между Нацбанком, квазигосударственным сектором и будущим акционером для того, чтобы не пострадали средства физических лиц.

— А для банка по-прежнему остается крайне важной ликвидность, предоставляемая государством?

— Такой проблемы не будет. После завершения процесса оздоровления останется «чистый» банк, который будет иметь работающий кредитный портфель и большой объем ликвидности при высоком уровне капитализации. Будущая модель предусматривает стабильность при любых оттоках ликвидности. Обязательства перед физическими лицами и перед ЕНПФ в размере более 50 млрд тенге будут полностью покрыты ликвидными средствами.

— Доли акционеров, при которых существовала приведшая к подобному развитию событий бизнес-модель RBK, будут размыты?

— Согласно схеме оздоровления, в банке появится один акционер практически со 100-процентной долей участия. При этом более важной является работа по возврату 600 миллиардов тенге проблемных кредитов. В случае наличия злоупотреблений, существовавших в процессе выдачи кредитов, совместно с новым акционером мы будем передавать материалы в правоохранительные органы.

«Необходима синхронизация денежно-кредитной и фискальной политик»

— Есть такая версия, что программа докапитализации с участием государства во многом обусловлена тем, что накануне ослабления тенге в 2015 году у банков преобладало валютное фондирование, а кредитование осуществлялось в тенге; паритетное участие государства обусловлено именно диспаратетом в валютной позиции. Насколько справедливы эти оценки?

— Даже в таких условиях существуют возможности и менеджеров, и акционеров банка обеспечить стабильность финансового института. Многие банки проводили осмотрительную политику и по сути смогли

сохранить свой бизнес. Цены на нефть начали падать еще весной 2014 года. Любой грамотный экономист мог спрогнозировать ситуацию и подготовиться. Большинство банков так и сделали. Но отдельные институты, либо в силу отсутствия качественного менеджмента, либо исходя из ожиданий, что государство в любом случае поможет, не предприняли адекватных действий.

Кризисы в рыночной экономике неизбежны, они повторяются. Единственной возможностью минимизации отрицательных последствий является взвешенная политика с точки зрения оценки всех рисков. Финансовые институты должны проводить стресс-тестирование, чтобы быть готовыми к изменениям внешней макроэкономической среды. Прагматичные финансовые институты, пусть и понесли потери, но создали резервы и с минимальным ущербом прошли кризисные явления.

— Нет ли какого-либо противоречия между программами докапитализации и политикой инфляционного таргетирования, учитывая то, что паритетное участие государства в докапитализации, если оно будет осуществляться за счет эмиссии, может влиять на инфляцию?

— Во-первых, размер программы Нацбанка с точки зрения общего объема денежной массы в стране не очень большой. Во-вторых, это связанная эмиссия. Средства не предоставляются банкам в абсолютное безусловное пользование. Банки уже разместили полученный субординированный долг в краткосрочные ноты и не имеют права их продать на рынке. Высвобождение средств будет происходить постепенно в течение длительного времени. Программа растянута на несколько лет. Поэтому делать оценку эффекта размера программы для денежного или валютного рынка в текущем моменте времени некорректно, потому что эти суммы на рынок не попадут.

Третье — более важным для успешного инфляционного таргетирования является синхронизация фискальной и денежно-кредитной политик. Сейчас правительство адресно выделяет деньги на поддержание конкретных секторов экономики, субсидирует МСБ и обрабатывающие отрасли. С точки зрения макроэкономической теории деньги, вливаемые в экономику, даже изначально направляемые конкретным отраслям, через некоторое время попадут в общий оборот, а значит — повлияют на инфляцию. Поэтому мы уже обращались в правительство с просьбой рассмотреть необходимость тех или иных государственных программ. Насколько получаемый от их реализации эффект действительно обеспечивает рост реального ВВП — разнице между номинальным увеличением ВВП и ростом цен в стране. Если за счет государственного финансирования происходит рост денежных

агрегатов, который приводит к увеличению инфляции, то очевидно, что в результате нивелируются усилия по росту реального ВВП.

— Это касается только субсидирования определенных отраслей или социальных расходов, чего в большей степени?

— В рамках фискальных расходов в среднесрочной перспективе не имеет значения, на что направляются средства — на пенсии, зарплаты или на кредитование предпринимательства. В краткосрочном периоде может преобладать эффект от созидательной деятельности. Но в дальнейшем деньги никуда не уходят. Они превращаются в чей-то доход, то есть монетизируются дальше и их количество в стране увеличивается. Если в этот момент не происходит увеличения товарной массы, то все ранее выделенные средства оказывают давление на валютный и денежный рынки. Нужен подробный анализ и поиск аргументов, что именно субсидирование приводит к росту реального ВВП.

«Перед акционерами и менеджментом банков поставлены максимально жесткие условия»

— Казахстанский финансовый рынок, когда-то, в 90-х годах сделал качественный рывок, за счет установления жестких планок, связанных с капиталом, и сокращения количества игроков. Видите ли вы какие-либо аналогии с той ситуацией. И может ли быть регулирование более жестким или мягким в зависимости от развития ситуации в экономике?

— Действительно, в 90-х годах прошлого века на волне либерализации финансового законодательства в стране появилось большое количество финансовых институтов. Многие из них рассматривались как карманные банки для финансирования своего бизнеса. Но сейчас опыт 90-х годов, когда за счет повышения планки по капиталу, с рынка массово были выведены слабые и рискованные банки — вряд ли реализуем. Тогда в банках не было накоплено большой массы депозитов населения и квазигосударственного сектора. Объем депозитов в банках не превышал 6–7% от ВВП. Сейчас ситуация изменилась. Банки концентрируют в разы большие обязательства перед населением, квазигосударственным сектором и другими юридическими лицами. И этот фактор нельзя игнорировать.

В последнее время часто рассуждают о том, зачем необходимо спасать банки. Спасается не банк, а средства, которые наши граждане и предприятия доверили до этого банкам. Но чтобы ситуация не повторялась в будущем, мы ужесточаем требования к тем игрокам, которые получили государственную помощь. Перед акционерами и менеджментом ставятся предельно жесткие условия. Банк обязан действовать в исключительном соответствии с надзорным планом регулятора. Более того, для банка устанавливается прямой запрет на выплату дивидендов, запрет

на кредитование связанных сторон и, соответственно, запрет на вывод денег из банка. Несоблюдение этих требований является триггером, то есть спусковым крючком для конвертации субординированного долга от государства в простые акции. Для акционера это будет означать потерю банка, а для государства — возможность продать банк другому, более осмотрительному инвестору.

— Какие-то банки все же смогут воздержаться от участия в программе докапитализации?

— Программа основана на принципе добровольности. В стране есть банки, которые, соответствуя критериям программы, отказались от участия в ней. Это означает, что банк имеет достаточный капитал, который покрывает возможные убытки от плохого портфеля, и участия государства в докапитализации не требуется.

Параллельно с программой мы восстановили систему регуляторных провизий. Оценка кредитного портфеля будет происходить не только на основе оценки аудитора и менеджмента банка, но и посредством регуляторных требований Нацбанка. Принят нормативный правовой акт, который прямо прописывает, как кредит должен быть оценен и по какой степени взвешен. Регуляторные провизии не будут отражаться на финансово-экономических показателях банка, таких как прибыли и убытки, а сразу относиться на капитал. Мы предусматриваем поэтапное внедрение регуляторных провизий, которое полностью завершится к 2022 году.

«Вопрос о возможности передачи пенсионных накоплений частным управляющим компаниям пока не решен»

— Если говорить об изменениях в накопительной пенсионной системе и появлении частных управляющих компаний, смогут ли осуществлять управление казахстанские частные финансовые институты или речь идет о том, что критериям могут соответствовать только «дочки» глобальных игроков?

— Вопрос о том, смогут ли вкладчики самостоятельно выбирать управляющего пенсионными накоплениями, еще не получил никакого решения. Правительство пока не обозначило своей позиции. Только после решения этого принципиального вопроса может возникнуть следующий этап, какие компании и по каким критериям должны участвовать в управлении пенсионными активами.

— Если говорить о фондовом рынке, вы считаете, что драйверами в его развитии могут быть IPO нацкомпаний и диверсификация управления пенсионными активами. Или развитие может происходить просто органически, в том числе под влиянием либерализации регулирования?

— Мы проделали большую работу по подготовке изменений по либерализации регулирования. Но теперь необходимо изменить законодательство, и, очевидно, это потребует больше времени, чем мы ожидали.

Либерализация регулирования — важный, но не единственный вопрос, который сдерживает развитие фондового рынка в Казахстане. Проблемой, в первую очередь, является отсутствие нормального корпоративного управления. Например, фондовая биржа провела большую работу с компаниями, потенциальными участниками фондового рынка. Желание привлекать деньги есть у всех, но это требует абсолютной прозрачности со стороны компании. А такая возможность есть не у всех. Нам необходимо не провозглашение принципов корпоративного управления, а их реальная работа для защиты интересов инвесторов.

— То есть вывод на биржу нацкомпаний сам по себе вряд ли что-то изменит?

— Процесс IPO значительно активизирует фондовый рынок. Но это только импульс, первый толчок. Он, конечно, необходим. В 90-х годах я сам работал на бирже, когда проходила массовая приватизация. Мы начинали понимать важность инфраструктуры фондового рынка, что нужны оценки, качественные инструменты торговли и так далее. Но это был только первый импульс, который со временем исчерпал себя. Акции компаний, прошедших приватизацию, постепенно были сконцентрированы в руках стратегических инвесторов, не заинтересованных в привлечении новых инвесторов через размывание собственности. Рынок живет только там, где происходит постоянная торговля.

«Сложно говорить о плюсах или минусах доминирования банковского сектора»

— Казахстанская финансовая система в свое время сложилась с преобладанием банковского сектора. Чего в этом больше — плюсов или минусов и может ли это меняться?

— Есть исторические примеры, когда банковское кредитование является источником экономического роста. Стабильность такой модели зависит от рискоориентированности и взвешенности политики самих банков. Даже в Европе есть банковские системы с разной степенью финансовой стабильности. Проблема не в различиях банковского и фондового сегментов. Каждый имеет свои преимущества и недостатки. И каждый способен выполнять задачи фондирования реального сектора. Главный вопрос — правильная организация самого сегмента.